

ГАЛАНТНЫЕ ГИГАНТЫ ГАНИМЕДА

Джеймс П. Хоган

ГИГАНТЫ КНИГА
ВТОРАЯ

ЭКСПЛОРЕР
БУКС

— ГАЛАНТНЫЕ —
ГИГАНТЫ ГАНИМЕДА
—

Джеймс П. Хоган

ГИГАНТЫ КНИГА
ВТОРАЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2025

УДК 821.111
ББК 84(7США)-44
Х68

James P. Hogan
THE GENTLE GIANTS OF GANYMEDE

Перевод с английского: А. Седунов

Литературный редактор: М. Максимова

Научный редактор: С. Дробышевский, к. б. н., доцент МГУ

Дизайн обложки: Д. Валленштайн

Хоган, Джеймс П.

Х68 Галантные гиганты Ганимеда : [роман] / Джеймс П. Хоган ; [пер. с англ. А. Седунова]. – Санкт-Петербург: Эксплорер Букс, 2025. – 240 с. – (Гиганты).

ISBN 978-5-6051922-4-4

ISBN 978-5-6051922-5-1 (эл. изд.)

Когда миссия по исследованию системы Юпитера обнаруживает на Ганимеде останки вмерзшего в лед космического корабля, человечество оказывается перед лицом шокирующего открытия: задолго до них в Солнечной системе уже существовала высокоразвитая цивилизация гигантов! В попытке пролить свет на их судьбу ученые берутся за исследование инопланетных артефактов, которое не только обернется встречей с неожиданными гостями из прошлого, но и в корне изменит представления людей о происхождении собственного вида...

УДК 821.111
ББК 84(7США)-44

© James P. Hogan, 1978

© Перевод. А. Седунов, 2025

© Издание на русском языке Эксплорер Букс, 2025

*Посвящается моей жене Лин,
доказавшей, что и своя трава может стать зеленее,
чем у соседа.*

Пролог

Лейел Торрес, командующий наблюдательно-исследовательской базой, расположенной вблизи экватора Искариса III, закрыл последнюю страницу отчета и, облегченно вздохнув, потянулся в кресле. Какое-то время он просто сидел, наслаждаясь ощущением расслабленности, пока кресло подстраивалось под его новую позу, а затем встал, потянулся к столику позади рабочего места, взял с подноса одну из фляжек и налил себе выпить. Прохладный и освежающий напиток быстро развеял усталость, которая уже начала проявляться спустя два часа сосредоточенной работы. «Еще немного», – подумал он. Всего два месяца, и они навсегда попрощаются с этим бесплодным шаром из обожженного камня и вернуться в чистую, свежую, усеянную звездами черную бездну, отделявшую их от родного дома.

Он обвел взглядом интерьер кабинета, который занимал часть жилого модуля внутри комплекса из куполов, наблюдательных строений и коммуникационных антенн, вот уже два года служившего Торресу домом. Он уже порядком устал от тянувшейся месяцами однообразной, бесконечной рутины. Да, проект будоражил и подстегивал к работе, но всему есть предел; лично он не стал бы горевать, выпади ему шанс вернуться домой хотя бы на день раньше.

Торрес медленно прошел в боковую часть комнаты и пару секунд пристально разглядывал пустую стену. Затем, не поворачивая головы, сказал вслух:

– Смотровая панель. Прозрачный режим.

Стена тут же стала прозрачной с одной стороны, открыв Торресу вид на поверхность Искариса III. Здесь, на краю скопища сооружений и машин, составлявших исследовательскую базу, сухие, единообразные красновато-бурые скалы и валуны тянулись до самой линии горизонта, но за ее отчетливым изгибом резко сходили на нет, уступая место черному бархату неба, усеянному огоньками звезд. Высоко над ними безжалостно пылала огненная сфера Искариса, отраженные лучи которого наполняли комнату теплым оранжево-красным светом. Оглядев пустошь, Торрес почувствовал, как внутри нарастает внезапная тоска по простым радостям: гулять под голубым небом, вдыхать забытые порывы пьянящего свободного ветра. Да, все верно: возможности вернуться домой раньше срока он был бы только рад.

Его размышления прервал донесшийся из ниоткуда голос:

– Командующий, Марвил Чарисо просит соединить с вами.

Говорит, дело срочное.

– Разрешаю, – ответил Торрес.

Он повернулся лицом к огромному экрану, занимавшему большую часть противоположной стены. Экран моментально ожил, и на нем появилось изображение старшего физика Чарисо, который в этот момент находился в лаборатории контрольно-измерительных приборов, входящей в состав обсерватории. На его лице проступила тревога.

– Лейел, – без лишних вступлений начал Чарисо. – Можешь прямо сейчас спуститься сюда? У нас проблемы – серьезные проблемы.

Об остальном говорил сам тон его голоса. То, что могло до такой степени взбудоражить Чарисо, явно не сулило ничего хорошего.

– Иду, – ответил Торрес, направляясь к двери.

Спустя пять минут, он уже входил в лабораторию, где его лично поприветствовал физик; к этому моменту тот был встревожен как никогда. Чарисо проводил командующего к монитору, расположенному перед целой батареей электронных устройств; Галдерн Брензор, еще один из ученых, с мрачным видом изучал кривые и результаты анализа данных на экранах компьютеров. Когда они подошли ближе, Брензор поднял голову и угрюмо кивнул.

– В фотосфере наблюдаются мощные эмиссионные линии, – сообщил он. – Линии поглощения быстро смещаются в сторону фиолетовой части спектра. Сомнений нет; в ядре звезды развивается крупная нестабильность, и она уже выходит из-под контроля.

Торрес перевел взгляд на Чарисо.

– Искарис вот-вот станет новой, – объяснил Чарисо. – С проектом что-то пошло не так, и звезда начала быстро расширяться. Фотосфера уже захватывает окружающее пространство, и, судя по предварительным расчетам, взрыв накроет нас в течение двадцати часов. Нам нужно эвакуироваться.

Торрес ошеломленно уставился на Чарисо, не веря его словам.

– Но этого не может быть.

Ученый широко развел руками:

– Допустим, но таковы факты. Позже у нас будет достаточно времени, чтобы разобраться в своих ошибках, но прямо сейчас нам нужно улететь... и как можно скорее!

Торрес пристально разглядывал мрачные лица собеседников, пока его разум, повинаясь инстинкту, пытался отмежеваться от слов Чарисо. Он перевел взгляд на еще один большой экран, где транслировалось изображение из космоса с расстояния в шестнадцать миллионов километров. Перед ним находился один из трех гигантских гравилучевых проекторов, представлявших собой цилиндры больше трех километров в длину и в полкилометра шириной; их построили на орбите звезды в пятидесяти миллионах километров от Искариса и расположили так, чтобы их оси были нацелены точно на центр звезды. Огненный шар Искариса за силуэтом проектора и сейчас казался совершенно нормальным, но Торрес уже представлял, как диск звезды едва заметно набухает и начинает угрожающе растекаться в стороны.

На мгновение его мозг буквально затопило эмоциями: сущая непосильность рухнувшей на них проблемы, безнадежность рационального осмысления при чудовищной нехватке времени, тщетность усилий, впустую потраченных за последние два года. Но затем это чувство испарилось так же быстро, как возникло, и командующий снова взял себя в руки.

– ЗОРАК, – обратился он, слегка повысив голос.

– Командующий? – ответил тот же голос, который разговаривал с ним в кабинете.

– Немедленно свяжись с Гарутом на «Шапироне». Сообщи ему, что возникла ситуация чрезвычайной важности и всем командирам экспедиции необходимо срочно выйти на связь. Я прошу его объявить экстренный сбор и приказать им подключиться к видеоконференции в течение пятнадцати минут. Кроме того, включи по всей базе сигнал тревоги и дай персоналу указания сохранять готовность и ожидать дальнейших распоряжений. Я подключусь к конференции с мультиконсоли в четырнадцатом зале главного наблюдательного купола. На этом все.

Спустя немногим более четверти часа Торрес и двое ученых уже находились перед батареей настенных экранов, транслировавших лица остальных участников видеоконференции. Главкомандующий экспедиции Гарут сидел перед дисплеем в сопровождении двух адъютантов; на связь он вышел из самого сердца «Шапирона», флагманского корабля, располагавшегося в трех

с лишним тысячах километров над Искарисом III. Он, не перебивая, выслушал доклад о ситуации. Научный руководитель миссии, подключившийся к конференции из другого места корабля, подтвердил, что за последние несколько минут сенсоры на борту «Шапирона» выдали показания, аналогичные данным приборов на поверхности Искариса III, а интерпретация ученых подтверждалась результатами компьютерного анализа. Проекторы гравилучей привели к непредвиденному эффекту, вызвав катастрофический сдвиг внутреннего равновесия Искариса и спровоцировав превращение звезды в новую. Время поджимало, и сейчас нельзя было думать ни о чем, кроме спасения.

– Нам нужно эвакуировать всех с планеты, – заключил Гарут. – Лейел, первым делом мне нужен отчет о том, какие корабли сейчас находятся на Искарисе III и сколько человек они смогут вывезти на орбиту. За остальными мы вышлем дополнительные шаттлы, как только выясним, насколько велик дефицит провозоспособности. Мончар... – обратился он к заместителю на одном из экранов. – Есть ли корабли, находящиеся от нас более чем в пятнадцати часах лета с учетом максимальной скорости?

– Нет, сэр. Самый дальний сейчас рядом со вторым проектором. На возвращение ему потребуется чуть больше десяти часов.

– Отлично. Немедленно вызовите их сюда, с экстренным приоритетом. Если данные, о которых нам сообщили, – правда, то единственный шанс сбежать от взрыва – это воспользоваться главными двигателями «Шапирона». Подготовьте расчетный график прилетов и убедитесь, что мы готовы принять остальные корабли.

– Да, сэр.

– Лейел... – Гарут снова перевел взгляд и теперь смотрел прямоком из экрана в четырнадцатом зале наблюдательного купола. – Приведи все доступные тебе корабли в состояние готовности к вылету и немедленно приступай к планированию эвакуации. Через час сообщишь о ходе операции. Каждому разрешается взять по одной сумке с личными вещами.

– Позвольте напомнить вам об одной проблеме, – добавил находившийся в двигательном отсеке главный инженер «Шапирона» Рогдар Джассилейн.

– В чем дело, Рог? – лицо Гарута повернулось к очередному экрану.

– Мы все еще не разобрались с неисправностью первичной тормозной системы в тороидах главного двигателя. Если мы за-

пустим двигатели, то сбавить ход они смогут лишь со своей естественной скоростью. Вся тормозная система сейчас в разобранном состоянии. За двадцать часов мы даже не успеем ее собрать, не говоря уже о том, чтобы найти и устранить причину сбоя.

Гарут ненадолго задумался.

– Но запустить их все-таки можно?

– Да, – подтвердил Джассилейн. – Но как только черные дыры внутри тороидов раскрутятся, накопленный ими момент импульса достигнет феноменальных величин. Без тормозной системы нам придется ждать несколько лет, прежде чем они замедлятся до скоростей, при которых их можно будет отключить. Все это время главный двигатель будет активен, и заглушить его мы не сможем. – Он изобразил жест беспомощности. – Мы можем оказаться где угодно.

– Но выбора нет, – заметил Гарут. – Тут или пан, или пропал. Нам придется задать курс домой и двигаться по орбите вокруг Солнечной системы, пока не сбавим скорость. Разве есть другое решение?

– Я понимаю, к чему клонит Рог, – вмешался научный руководитель. – Но все не так просто. Видите ли, при скоростях, до которых корабль разгонится за несколько лет непрерывной тяги на маршевых двигателях, мы испытаем колоссальный эффект релятивистского замедления относительно систем отсчета, движущихся со скоростью Искариса или Солнца. Поскольку «Шапирон» будет находиться в ускоренной системе координат, на борту корабля пройдет гораздо меньше времени, чем у нас дома; мы знаем, где в итоге окажемся... но плохо представляем когда.

– На деле все может оказаться даже хуже, – добавил Джассилейн. – Маршевые двигатели работают за счет создания локального искажения пространства-времени, в которое корабль непрерывно «падает» под действием гравитации. Это также приводит к замедлению времени. Так что в итоге оба эффекта усиливают друг друга. Что произойдет, если главный двигатель будет работать на максимальной скорости, сказать не могу – не думаю, что подобное случалось раньше.

– Я, конечно, еще не успел проделать точных расчетов, – сказал научный руководитель. – Но если мои оценки соответствуют действительности, то суммарное замедление времени может достигать величин порядка нескольких миллионов.

– Миллионов? – ошеломленно переспросил Гарут.

– Да. – Научный руководитель миссии смерил остальных степенным взглядом. – Каждый год, потраченный на то, чтобы сбить скорость, без которой мы попросту не сможем сбежать от новой, по возвращении домой может обернуться для нас миллионами потерянных лет.

Долгое время никто не решался заговорить. Наконец тишину нарушил тяжелый и мрачный голос Гарута:

– Пусть так, но, если мы хотим выжить, другого выбора у нас нет. Мой приказ остается в силе. Главный инженер Джассилейн, подготовьтесь к вылету в глубокий космос и приведите главный двигатель в состояние готовности.

Спустя двадцать часов «Шапирон» на полной мощности уже мчался к глубинам межзвездного пространства, когда первый фронт взорвавшейся новой обжег корпус корабля и бесследно распылил ему вслед пепел, некогда бывший Искарисом III.

Глава 1

За время, которое в масштабах Вселенной не превышало одного удара сердца, удивительное животное под названием Человек успело спуститься с деревьев, открыть огонь, изобрести колесо, научиться летать и покинуть Землю в поисках других планет.

Изменения, к которым привело появление Человека, стали настоящим водоворотом бурной деятельности, приключений и неумолимых открытий. Невиданное дело для предшествующих эонов спокойной эволюции и неторопливого хода событий.

Так, по крайней мере, считалось долгое время.

Но когда Человек наконец достиг Ганимеда, самой крупной из юпитерианских лун, то волей случая ему открылась правда, не оставившая и камня на камне от веры, пережившей столетия неумной любознательности. Оказалось, что Человек отнюдь не уникален. Двадцать пять миллионов лет тому назад все его достижения уже превзошла другая раса.

Четвертая пилотируемая миссия к Юпитеру, стартовавшая в начале две тысячи двадцатых годов, ознаменовала начало масштабного исследования внешних планет и строительство первых долговременных баз на юпитерианских лунах. Наблюдательные приборы на орбите вокруг Ганимеда засекли массивное скопление металла под ледяной коркой на поверхности спутника. Для изучения этой аномалии под специально выстроенной на спутнике базой пробурили систему шахт.

Космический корабль, который обнаружили застывшим в этой ледяной могиле безвременья, оказался настоящим исполином. Взяв за основу найденные на борту скелетированные останки, ученые Земли сумели реконструировать внешний вид гигантов, которые построили это судно и чей уровень технологий, по оценкам, примерно на сотню лет опережал уровень землян. В знак памяти о месте их открытия гигантов окрестили ганимейцами.

Родиной ганимейцев была Минерва – погибшая планета, некогда находившаяся между Марсом и Юпитером. Большую часть ее массы выбросило на экстремально вытянутую орбиту у границ Солнечной системы, и впоследствии она стала Плутоном, а прочие обломки, рассеянные под действием приливных сил Юпитера, образовали пояс астероидов. В ходе многочислен-

ных исследований, включавших эксперименты по воздействию космическими лучами на образцы материалов, добытых в поясе астероидов, было установлено, что распад Минервы произошел около пятидесяти тысяч лет назад, спустя миллионы лет после того, как Солнечную систему – судя по известным данным – бороздили корабли ганимейцев.

Открытие технически развитой расы, существовавшей двадцать пять миллионов лет назад, произвело фурор само по себе. Но еще более захватывающей, хотя и отчасти ожидаемой, стала новость о том, что ганимейцы бывали и на Земле. Среди грузов, которые вез найденный на Ганимеди корабль, оказалась коллекция растительных и животных образцов, которых прежде не видел ни один человек, – показательный срез сухопутных форм жизни, населявших Землю на рубеже олигоценовой и миоценовой эпох. Некоторые из образцов прекрасно сохранились в герметичных канистрах, другие же, по всей видимости, содержались в специальных загонах и клетках и были живы, когда корабль потерпел крушение.

В момент совершения этих открытий на лунной орбите как раз шло строительство семи кораблей, которым предстояло войти в миссию «Юпитер-5». Когда миссия отправилась в путь, к ней присоединилась команда ученых, горевших желанием поскорее углубиться в заманчивые дебри ганимейской истории.

Программа обработки данных, запущенная в вычислительном центре двухкилометрового командного корабля миссии «Юпитер-5», который двигался по орбите в трех с лишним тысячах километров над Ганимедом, перенаправила результаты приоритизатору сообщений. Далее информация при помощи лазерного пучка была передана трансиверу главной базы на поверхности спутника и ретранслирована на север посредством цепочки станций-повторителей. Спустя несколько миллионов долей секунды и тысячу километров компьютеры на базе «Копёр» декодировали получателя сообщения и вывели сигнал на монитор, занимавший стену небольшого конференц-зала в секции биологических лабораторий. На экране появилась замысловатая комбинация символов, используемых генетиками для обозначения внутренней структуры хромосом. Пять человек, сидевших по периметру стола в тесной комнате, внимательно изучили картинку на дисплее.

– Прошу. Если хотите ознакомиться с проблемой в деталях, то выглядит все именно так.

Говоривший был высоким, худощавым, лысеющим мужчиной в белом лабораторном халате и старомодных очках с золоченой оправой. Он стоял перед монитором и чуть сбоку от самого экрана, указывая на него одной рукой, а другой тем временем легонько сжимал лацкан халата. Профессор Кристиан Данчеккер из Вествудского института биологии в Хьюстоне, входившего в состав Подразделения биологических наук КСООН, возглавлял команду биологов, прибывших сюда на борту «Юпитера-5» для изучения древней фауны Земли, обнаруженной внутри ганимейского корабля. Сидевшие перед ним ученые обдумывали картинку на экране. Через некоторое время Данчеккер снова резюмировал проблему, которую они обсуждали в течение последнего часа.

– Надеюсь, большинству из вас очевидно, что подобная молекулярная структура указывает на ферментативные свойства. Одна и та же разновидность этих ферментов была обнаружена в образцах тканей, взятых у множества видов животных, которых к этому моменту успели изучить в орбитальных лабораториях «Ю-4». Повторяю, множества видов животных, множества... – Данчеккер ухватился обеими руками за лацканы халата и выжидающе посмотрел на собравшуюся мини-аудиторию. Его голос почти превратился в шепот. – И все же ничего подобного или хотя бы отдаленно похожего не встречается ни у одного из современных нам представителей земной фауны. Джентльмены, стоящая перед нами задача довольно проста – дать этим странным фактам хоть какое-то объяснение.

Пол Карпентер, моложавый, светловолосый и самый юный из присутствующих, откинулся на спинку кресла и, развернув руки ладонями вверх, вопросительно посмотрел по сторонам.

– Видимо, я не очень понимаю суть проблемы, – открыто признался он. – Этот фермент встречался у животных, которые существовали на Земле двадцать пять миллионов лет тому назад, верно?

– Все так, – подтвердила с легким кивком Сэнди Холмс, сидевшая по другую сторону стола.

– Значит, за двадцать пять миллионов лет они просто мутировали до неузнаваемости. Со временем все меняется, и ферменты не исключение. Производные варианты той же структуры,

скорее всего, встречаются и сейчас, но выглядят иначе... – Он заметил выражение на лице Данчеккера. – Нет?.. В чем проблема?

Профессор ответил вздохом бесконечно терпеливого человека.

– Мы это уже проходили, Пол, – сказал он. – Во всяком случае мне так казалось. Позволь напомнить: за последние десятки лет энзимология достигла колоссальных успехов. Практически каждый тип ферментов так или иначе классифицирован и занесен в каталоги, но только не этот – ничего подобного нам раньше не встречалось.

– Не хочу спорить ради спора, но так ли это? – возразил Карпентер. – Я к тому, что... за последние пару лет каталоги неоднократно дополнялись, разве нет? Шнелдер и Гроссман из Сан-Паоло с серией P273B и ее производными... Брэддок из Англии с...

– Да, но ты упускаешь главное, – перебил его Данчеккер. – Верно, это действительно были новые разновидности ферментов, но все они прекрасно вписывались в стандартные семейства. Их характеристики четко указывали на принадлежность к известным родственным группам. – Он снова указал на экран. – Но с этим ферментом все иначе. Он выбивается из остальных. На мой взгляд, он указывает на совершенно новый класс, который состоит из одного представителя. Подобной метаболической функции мы не встречали ни у одной из известных форм жизни.

Данчеккер обвел взглядом небольшой круг лиц перед собой:

– Каждое из известных нам животных принадлежит к известному семейству, а его предки и родственные виды прекрасно поддаются идентификации. То же самое верно и на микроуровне. Весь наш предшествующий опыт показывает, что, даже если этот фермент действительно существовал двадцать пять миллионов лет назад, мы все равно должны были распознать характерные особенности его семейства и найти связь с современными белками. Но это оказалось невозможным. Лично я считаю, что это указывает на весьма необычные обстоятельства.

Вольфганг Фихтер, один из старших биологов Данчеккера, потер подбородок и с сомнением взглянул на экран.

– Крис, я согласен, что шансы такого сценария крайне малы, – заметил он. – Но можно ли с уверенностью говорить о его невозможности? Ведь за двадцать пять миллионов лет?.. Фермент мог мутировать под влиянием новых факторов среды. Скажем, изменений в рационе питания... или вроде того.

Данчеккер решительно покачал головой.

– Нет. Я считаю это невозможным. – Он поднял руки и принялся загибать пальцы. – Во-первых, даже если бы он мутировал, мы бы все равно смогли идентифицировать базовое строение исходного семейства белков по аналогии с фундаментальными свойствами, которые, скажем, объединяют всех позвоночных. Но мы не можем.

Во-вторых, если бы этот фермент появился только в одном из видов олигоцена, я бы еще мог согласиться с тем, что он возник в результате мутации и впоследствии произвел на свет множество вариантов, которые мы наблюдаем в современном мире, – иначе говоря, представляет собой предковую форму, общую для целой группы современных организмов. Будь это так, я был бы готов признать, что некая сильно выраженная мутация могла и правда скрыть от нас взаимосвязь предковой формы и ее потомков. Но на деле все иначе. Один и тот же фермент встречается у множества разных, неродственных видов эпохи олигоцена. Чтобы твоя гипотеза имела место, один и тот же маловероятный процесс должен был повториться много раз – независимо и одновременно у разных видов. Я считаю это невозможным.

– Но... – возразил было Карпендер, однако Данчеккер продолжал говорить.

– В-третьих, хотя этот фермент не встречается на уровне микрохимии ни у одного из современных животных, все они прекрасно без него обходятся. Многие из них являются прямыми потомками олигоценовых видов с корабля ганимейцев. Замечу, что некоторые из этих линий наследования были сопряжены с быстрыми мутациями и адаптацией к меняющимся рационам и условиям среды – некоторые, но далеко не все. В ряде случаев переход от олигоценовых предков к современным формам происходил крайне медленно и привел лишь к незначительным изменениям. Мы провели детальное сравнение микрохимических процессов у предковых особей эпохи олигоцена, которых обнаружили на корабле ганимейцев, с уже известными данными по животным, которые существуют в наше время и произошли от тех же предков. В общем и целом, результаты оправдали наши ожидания: никаких существенных отличий, с одной стороны, и четко прослеживаемые связи между обеими группами – с другой. Каждую функцию, проявлявшуюся в биохимии предка, можно без труда распознать у его потомков – иногда с небольшими отличиями. – Данчеккер бросил беглый взгляд на Фихтера. – По

эволюционным меркам двадцать пять миллионов лет не такой уж большой срок.

Судя по всему, возражений ни у кого не нашлось, и тогда Данчеккер снова взял инициативу на себя.

– Но в каждом случае мы неизменно сталкивались с одним исключением – тем самым ферментом. Все указывает на то, что если этот фермент встречался в организме предка, то либо он сам, либо близкая к нему разновидность должна легко обнаруживаться и у потомков. Однако ни одна проверка не дала положительного исхода. Лично я счел бы такое невозможным, и все же это свершившийся факт.

Пока группа переваривала слова Данчеккера, в комнате ненадолго стало тихо. Наконец Сэнди Холмс осмелилась высказать свою догадку:

– Может ли речь все-таки идти о радикальной мутации, но в обратную сторону?

Данчеккер смерил ее хмурым взглядом.

– Что значит в обратную сторону? – уточнил Анри Руссон, еще один из старших биологов, сидевший рядом с Карпентером.

– Что ж, – ответила она, – все животные на ганимейском корабле попали туда с Минервы, так? Скорее всего, они родились там от предков, которых ганимейцы перевезли с Земли. Мог ли какой-то фактор минервианской среды вызвать мутацию, которая в итоге привела к появлению этого фермента? По крайней мере, это бы объяснило, почему его нет у современных земных животных. Ведь ни они, ни их предки никогда не были на Минерве.

– Та же проблема, – пробормотал Фихтер, качая головой.

– Какая проблема? – спросила она.

– Один и тот же фермент обнаружен у множества разных, не связанных близким родством видов времен олигоцена, – ответил Данчеккер. – Да, я готов допустить, что особенности минервианской среды могли привести к мутации одного из вариантов земного фермента в то, что мы наблюдаем сейчас. – Он снова указал на экран. – Однако с Земли на Минерву попало множество разных видов – разных видов, каждый из которых отличался особенностями метаболизма и конкретными группами ферментных вариантов. Предположим теперь, будто нечто в минервианской среде заставило эти ферменты – подчеркну, разные ферменты – мутировать. Неужели ты на полном серьезе предполагаешь, что все они могли независимо друг от друга

превратиться в один и тот же конечный продукт? – Он помедлил с секунду. – Потому что именно с этой ситуацией нам приходится иметь дело. На корабле ганимейцев сохранилось множество образцов разных видов, но каждый из них обладает ровно одним и тем же ферментом. Не хочешь ли ты в свете сказанного пересмотреть свою гипотезу?

Секунду женщина с беспомощным видом разглядывала стол, после чего изобразила отрешенный жест:

– Что ж... если смотреть с этой точки зрения, видимо, особого смысла в ней нет.

– Благодарю, – с каменным лицом отозвался Данчеккер.

Анри Руссон наклонился вперед и налил себе воды из кувшина в центре стола. Он сделал продолжительный глоток, пока остальные продолжали задумчиво глядеть сквозь стены или на потолок.

– Давайте на секунду вернемся к основам и посмотрим, что нам это даст, – предложил он. – Мы знаем, что ганимейцы возникли на Минерве, так? – Головы вокруг него кивнули в знак согласия. – Мы также знаем, что ганимейцы наверняка посещали Землю, потому что иначе земные животные никак не смогли бы оказаться на борту их корабля – если только мы не собираемся выдумать для объяснения еще одну гипотетическую расу инопланетян, а я такими вещами точно заниматься не собираюсь, потому что для этого нет никаких предпосылок. Далее, мы знаем, что обнаруженный здесь корабль попал на Ганимед с Минервы, а не напрямую с Земли. А если корабль прилетел сюда с Минервы, значит, оттуда же прибыли и земные животные. Это подтверждает идею, к которой мы пришли раньше – что ганимейцы по какой-то причине стали перевозить с Земли на Минерву самые разные формы живых существ.

Пол Карпендер поднял руку:

– Постой-ка. Откуда нам знать, что корабль у нас под ногами прилетел сюда с Минервы?

– Растения, – напомнил Фихтер.

– Ах да, растения. Совсем забыл... – С этими словами Карпендер умолк.

В загонх и клетках для животных на ганимейском корабле имелись запасы растительного корма и подстилки, прекрасно сохранившиеся под слоем льда, который образовался, когда из остывшей атмосферы корабля сконденсировался водяной

пар. Используя добытые из них семена, Данчеккер сумел вырастить живые растения, совершенно не похожие на когда-либо существовавшую земную флору и, судя по всему, представлявшие коренные виды минервианской экосистемы. Их листья имели очень темную – почти черную – окраску и поглощали каждую подвернувшуюся частичку солнечного света, по всему видимому спектру. Что подтверждалось независимыми выводами об удаленности Минервы относительно Солнца.

– Как далеко, – спросил Руссон, – мы продвинулись в ответе на вопрос: зачем ганимейцам было ввозить всех этих животных? – Он широко развел руками. – Должна же быть причина. У нас есть успехи на этом фронте? Лично я без понятия, но фермент может иметь к этому какое-то отношение.

– Что ж, давайте вкратце подытожим, что нам известно на этот счет, – предложил Данчеккер. Он отодвинулся от экрана и примостился на краю стола. – Пол. Не будешь так любезен поделиться ответом на вопрос Анри?

Карпентер с секунду почесал затылок и скорчил гримасу.

– В общем... – начал он, – во-первых, у нас есть рыбы. Мы уже установили, что они принадлежат к числу исконно минервианских видов, и именно благодаря им у нас есть связь между Минервой и ганимейцами.

– Верно, – кивнул Данчеккер, немного смягчив свой брюзгливый настрой. – Продолжай.

Карпентер имел в виду хорошо сохранившуюся разновидность консервированной рыбы, происхождение которой удалось со всей достоверностью отследить до минервианских океанов. Данчеккер доказал, что структура их скелета в общем и целом коррелировала с останками ганимейцев, находившихся на корабле, который покоился под слоем льда на базе «Копёр»; примерно тот же уровень сходства наблюдался, к примеру, между строением человека и мамонта, что доказывало принадлежность рыбы и ганимейцев к одной и той же эволюционной ветви. А значит, если рыба родом с Минервы, то же самое можно сказать и о расе ганимейцев.

– Проведенный вами анализ основополагающей клеточной химии рыб, – продолжил Карпентер, – указывает на то, что неотъемлемой особенностью этого вида была низкая устойчивость к ряду токсинов, включающих, помимо прочего, двуокись углерода. Насколько мне известно, вы также выдвинули предпо-

ложение, что рыбы могли унаследовать эту базовую химию от своих ранних предков – еще на заре минервианской истории.

– Именно так, – согласился Данчеккер. – Что еще?

Карпенгер помедлил.

– А значит, низкой устойчивостью к CO_2 должны были обладать и сухопутные виды Минервы, – предположил он.

– Не совсем так, – возразил Данчеккер. – Ты упустил одно связующее звено. У кого-нибудь есть мысли?.. – Он взглянул на немца. – Вольфганг?

– Придется сделать допущение, что проявления низкой устойчивости к углекислому газу впервые возникли у отдаленного предка – который существовал еще до того, как на Минерве появились сухопутные виды животных. – Фихтер сделал паузу, после чего продолжил: – Тогда можно утверждать, что эта древняя форма жизни была общим прародителем всех более поздних сухопутных животных и морских видов – к примеру, той самой рыбы с корабля. Исходя из этого допущения, можно сделать вывод, что тот же признак был унаследован и всеми наземными животными, которые появились после них.

– Никогда не забывайте о сделанных допущениях, – призвал их Данчеккер. – Именно эта простая ошибка стала причиной многих проблем в истории науки. Заметьте также вот что: если низкая устойчивость к CO_2 действительно проявилась уже на ранних этапах минервианской эволюции и сохранилась вплоть до времен, когда была жива эта рыба, значит, ответственный за нее признак обладал высокой устойчивостью – если, конечно, наши знания земной эволюции могут служить здесь хоть каким-то ориентиром. Это повышает правдоподобность гипотезы о том, что данный признак мог стать общей особенностью, которая распространилась среди сухопутных видов по мере их естественного отбора и дивергенции и по сути оставалась неизменной на протяжении целых эпох – по аналогии с тем, как в течение сотен миллионов лет оставалось неизменным общее строение земных позвоночных, несмотря на их поверхностные отличия в форме, размере и структуре.

Данчеккер снял очки и принялся протирать линзы платком.

– Что ж, хорошо, – добавил он. – Давайте рассмотрим это допущение и, как следствие, заключим, что двадцать пять миллионов лет назад – к тому моменту, когда на Минерве появились ганимейцы, – планета была населена множеством исконных

форм жизни, и все они, помимо прочего, отличались низкой устойчивостью к диоксиду углерода. Есть ли у нас другие факты, которые помогли бы выяснить, что именно тогда происходило на Минерве?

– Мы знаем, что ганимейцы пытались покинуть планету и переселиться в другое место, – подкинула идею Сэнди Холмс. – Скорее всего, в другую звездную систему.

– О, неужели? – Данчеккер улыбнулся, на миг обнажив зубы, после чего снова дыхнул на линзы очков. – И откуда нам это знать?

– Ну, во-первых, прямо здесь, подо льдом, лежит их корабль, – ответила она. – Судя по характеру и объему груза, можно предположить, что это было судно колонизаторов, которые явно не собирались возвращаться обратно. И с какой стати корабль вообще оказался именно на Ганимеде? Он ведь не мог совершать перелет между внутренними планетами Солнечной системы, верно?

– Но за пределами минервианской орбиты колонизировать попросту нечего, – вмешался Карпендер. – Если, конечно, не рассматривать другие звездные системы.

– Вот именно, – мрачно заметил Данчеккер, обращаясь к девушке. – Ты говоришь «можно предположить, что это было судно колонизаторов». Не стоит забывать, что именно к этому и сводятся все имеющиеся у нас факты – к предположению, не более того. Само по себе это еще ничего не доказывает. На базе полно людей, которые утверждают, будто теперь нам известно, что ганимейцы покинули Солнечную систему и взялись за поиски нового дома, потому что в атмосфере Минервы – в силу причин, которые нам только предстоит выяснить, – стала повышаться доля углекислого газа. Разумеется, если все, о чем мы только что говорили, – правда, то ганимейцы должны были обладать той же чувствительностью к углекислому газу, что и прочие сухопутные виды Минервы, и любой рост его атмосферной концентрации мог вызвать серьезные проблемы. Но, как мы только что выяснили, подобных знаний у нас нет; мы лишь обратили внимание на пару допущений, из которых в сочетании с прочими данными может следовать такой вывод.

Профессор умолк, видя, что Карпендер собирается что-то сказать.

– Но ведь этим дело не ограничивается, не так ли? – уточнил Карпендер. – Мы более чем уверены, что все сухопутные виды

минервианских животных довольно быстро вымерли двадцать пять миллионов лет тому назад... все, за исключением, пожалуй, самих ганимейцев. Именно такого эффекта следовало бы ожидать в том случае, если концентрация CO_2 действительно поднялась и ни один из видов не смог к ней приспособиться. И это прекрасно сочетается с нашей гипотезой.

– Думаю, в словах Пола есть свой резон, – присоединилась Сэнди Холмс. – Все сходится. И к тому же укладывается в гипотезу о том, зачем ганимейцам было перевозить всех этих животных на Минерву.

Она повернулась к Карпентеру, как бы предлагая ему переменить эстафету.

Карпентера, как обычно, не нужно было просить дважды.

– По сути, ганимейцы пытались компенсировать дисбаланс CO_2 , покрыв планету земной флорой, которая поглощает углекислый газ и вырабатывает кислород. Животных же завезли для того, чтобы создать сбалансированную экосистему, в которой могли бы существовать растения с Земли. Как и сказала Сэнди, все сходится.

– Вы пытаетесь подогнать факты под ответы, которые хотите доказать, – предостерег их Данчеккер. – Давайте еще раз поделим данные, которые представляют собой неоспоримый факт, от данных, в основе которых лежит какое-либо допущение или простая догадка.

В продолжение дискуссии Данчеккер принялся за разбор принципов научной дедукции и методов логического анализа. Все это время человек, молчаливо наблюдавший за ходом обсуждения с самого дальнего от экрана кресла, продолжал неспешно покуривать сигарету, впитывая каждую деталь разговора.

Доктор Виктор Хант также сопровождал команду ученых, которые больше трех месяцев назад прибыли сюда с миссией «Юпитер-5» для изучения ганимейского корабля. И хотя за это время не было сделано ни одного выдающегося открытия, исследователям удалось собрать гигантские массивы данных о внутреннем устройстве, конструкции и содержимом инопланетного корабля. Каждый день свежезвлеченные устройства и детали машин изучались в лабораториях, оборудованных внутри баз на поверхности спутника, а также командных кораблей «Ю-4» и «Ю-5» на орбите Ганимеда. Пока что эти эксперименты принесли лишь фрагментарные знания, но в процессе изы-

сканий начали мало-помалу всплывать подсказки, из которых в итоге могла сложиться осмысленная картина ганимейской цивилизации и таинственных событий, произошедших двадцать пять миллионов лет тому назад.

В этом и заключалась работа Ханта. Изначально он был теоретическим физиком со специализацией в математической нуклонике, пока не переехал из Англии по приглашению Космических сил ООН, чтобы возглавить небольшую исследовательскую группу; ее задача состояла в поиске связей между изысканиями разных специалистов, работавших над общим проектом как на самом Ганимеде и его орбите, так и на Земле. Специалисты рисовали отдельные детали пазла; группа Ханта собирала их в единое целое. Такое разделение труда придумал непосредственный начальник Ханта, Грег Колдуэлл, занимавший пост исполнительного директора в Подразделении КСООН по вопросам навигации и коммуникации со штаб-квартирой в Хьюстоне. План уже принес свои плоды, дав им возможность раскрыть тайну, окружавшую судьбу и само существование Минервы, и, судя по первым признакам, был готов принести их снова.

Виктор продолжал слушать, а дискуссия между биологами тем временем успела сделать полный круг и в итоге сосредоточилась на том самом неизвестном ферменте, с которого и началась.

– Увы, боюсь, что нет, – сказал Данчеккер, отвечая на вопрос Руссона. – Пока что его назначение остается для нас тайной. Некоторые факторы в его уравнении реакции указывают на то, что фермент мог участвовать в процессе модификации или распада некоего белка, но какого именно и для какой цели – мы все еще не знаем.

Данчеккер оглядел комнату в поисках комментариев, но собравшимся, похоже, было нечего добавить к его словам. В зале стало тихо. Впервые за все время стал слышен легкий шум установленного неподалеку генератора. Хант неторопливо затушил сигарету, а затем откинулся на спинку кресла, оперевшись руками о его подлокотники.

– Что ж, отлично, похоже, у нас задачка так задачка, – прокомментировал он. – Ферменты не моя стезя. Так что этот вопрос я оставляю целиком на вас.

– А, приятно видеть, что ты все еще с нами, Вик, – заметил Данчеккер, поднимая взгляд, чтобы охватить им дальний

конец стола. – За все время, что мы здесь сидим, ты ни слова не проронил.

– Слушаю и учусь. – Хант широко улыбнулся. – Пока что мне особо нечего добавить.

– Звучит как довольно-таки философский подход к жизни, – заметил Фихтер, перетасовывая лежащие перед ним бумаги. – Много у тебя таких идей?.. Может, даже наберется на маленькую красную книжицу, как у того китайского джентльмена в тысяча девятьсот... каком году?

– Боюсь, что нет. Излишние философствования по какому бы то ни было поводу не лучшая идея. Рано или поздно начинаешь противоречить самому себе. А это подрывает доверие.

Фихтер улыбнулся.

– Значит, просветить нас насчет этого дурацкого фермента ты не можешь, – добавил он.

Хант ответил не сразу: вместо этого он поджал губы и склонил голову набок на манер человека, который сомневается, разумно ли делиться своими знаниями с другими людьми.

– Что ж, – наконец ответил он, – вам с этим ферментом и без того забот хватает.

Его голос казался слегка игривым и в то же время непреодолимо вызывающим. Лица всех присутствующих моментально повернулись в сторону Ханта.

– Вик, ты играешь с нами в молчанку, – заявила Сэнди. – Выкладывай.

Данчеккер смерил Ханта молчаливым испытующим взглядом. Хант кивнул и потянулся к клавиатуре, утопленной в ближайший к нему край стола. На его запрос ответили компьютеры «Юпитера-5», который парил над противоположной стороной Ганимеда. На экране в конференц-зале появилась убогая таблица из чисел.

Хант дал остальным время изучить данные.

– Это результаты серии количественных испытаний, которые были недавно проведены в пятнадцати лабораториях. Эксперименты подразумевали стандартный анализ химического состава клеток, взятых из выборочных органов животных, о которых только что шла речь, – животных с корабля ганимейцев. – Помедлив с секунду, он как ни в чем не бывало продолжил: – Судя по этим данным, в образцах раз за разом встречаются определенные комбинации химических элементов – и всегда в од-

них и тех же пропорциях, которые недвусмысленно указывают на продукты известных нам процессов радиоактивного распада. Складывается впечатление, будто эти радиоизотопы были отобраны в процессе синтеза ферментов.

Спустя несколько секунд ответом на его слова стала пара хмурых, озадаченных взглядов. Первым заговорил Данчеккер.

– Хочешь сказать, что фермент... выборочно включал в свою структуру определенные радиоизотопы? – уточнил он.

– Именно.

– Но это же просто смешно, – твердо заявил профессор. Его тон не оставлял места для возражений.

Хант лишь пожал плечами:

– Похоже, что таковы факты. Просто посмотри на цифры.

– Но такой процесс просто не мог сложиться в природе, – продолжал настаивать Данчеккер.

– Знаю, но все-таки сложился.

– Чисто химические процессы не могут отличить радиоактивные изотопы от обычных, – раздраженно заметил Данчеккер. – Но именно такие процессы отвечают за образование ферментов. Они не способны отбирать радиоизотопы, которые будут использоваться для ферментного синтеза.

Хант отчасти ожидал, что первой реакцией Данчеккера станет абсолютное и бескомпромиссное отрицание гипотезы, которую он только что высказал вслух. Проработав с ним бок о бок больше двух лет, Хант уже привык к склонности Криса всякий раз инстинктивно прятаться за баррикадой общепринятых воззрений при встрече с чуждой его взглядам идеей. Но Виктор знал, что, как только у Данчеккера появлялась возможность как следует поразмыслить над вопросом, его способность выдавать инновационные идеи оказывалась ничуть не хуже, чем у окружающих его ученых младшего поколения. Поэтому Хант решил на мгновение промолчать: он рассеянно барабанил пальцами по столу, беззаботно насвистывая нестройную мелодию.

Данчеккер ждал и, судя по его виду, с каждой секундой злился все больше и больше.

– Химические процессы не умеют отличать радиоизотопы, – наконец повторил он. – Следовательно, получить фермент способом, который ты только что описал, просто невозможно. И даже если бы и было возможно, такой процесс не преследовал бы никакой цели. С химической точки зрения фермент будет вести

себя одинаково – неважно, есть в нем радиоактивные изотопы или нет. То, что ты говоришь, противоречит здравому смыслу!

Хант вздохнул и усталым жестом указал на экран.

– Крис, об этом говорю не я, – напомнил он профессору. – А сами данные. Таковы факты – вот их и проверь. – Хант подался вперед и склонил голову набок. На его лице изобразилась хмурая гримаса, будто Виктора внезапно посетила какая-то мысль. – Что ты там минуту назад говорил о людях, которые подгоняют факты под собственные убеждения?

Глава 2

В возрасте одиннадцати лет Виктор Хант покинул бедлам родного дома в лондонском Ист-Энде и переехал к дяде и тете в Вустер. В семье Хантов его дядя был сродни белой вороне: он работал инженером-проектировщиком в располагавшейся неподалеку лаборатории одного из ведущих производителей компьютерной техники, и именно под его терпеливым руководством мальчик впервые познакомился с захватывающим и таинственным миром электроники.

Спустя какое-то время юный Виктор впервые испытал на практике свое новообретенное увлечение законами формальной логики и методами проектирования логических схем. Он сам разработал и смонтировал специализированный процессор, который по любой дате, начиная с принятия в 1582 году григорианского календаря, выдавал соответствующий ей день недели в виде числа от 1 до 7. Когда, затаив дыхание от предвкушения, он в первый раз включил устройство, система не ожила. Оказалось, что он перепутал выводы одного из электролитических конденсаторов и попросту закоротил источник питания.

Этот случай научил его двум вещам: во-первых, многие проблемы можно решить малой кровью, если кто-нибудь сумеет взглянуть на них под нужным углом, а во-вторых, восторг от победы в конце концов с лихвой окупает все усилия. Помимо прочего, это укрепило его интуитивное представление о том, что единственный способ доказать или опровергнуть неплохую с виду идею – это найти способ проверить ее на практике. По мере того как дальнейшая карьера вела его от электроники к математической физике, а затем – нуклонике, эти базовые установки стали основой его неизменной ментальной конституции. За прошедшие с тех пор без малого тридцать лет Виктор не утратил ни капли пристрастия к последним минутам напряженного ожидания – когда подготовка к важному эксперименту позади и действие идет к своей кульминации.

То же самое чувство он испытывал прямо сейчас, наблюдая, как Винсент Каризан вносит последние правки в настройки усилителя. Этим утром центром притяжения в главной лаборатории электроники на базе «Копёр» стал один из агрегатов с корабля ганимейцев. По форме он напоминал цилиндр размером с бочку для нефти и, судя по всему, выполнял некую сравнитель-

но простую функцию, учитывая небольшое количество входов и выходов; скорее всего, это был не компонент более крупной и сложной системы, а самостоятельное устройство.

Его назначение, впрочем, оставалось тайной. Инженеры базы «Копёр» пришли к выводу, что разъемы предназначались для подачи энергии внутрь устройства. Проанализировав изоляционные материалы, схемы фиксации напряжения, а также защитные и сглаживающие контуры, они определили характер источника питания, для работы с которым была предназначена инопланетная штукавина. Это дало им возможность смонтировать нужную цепь трансформаторов и частотных преобразователей. Сегодня был тот самый день, когда они решили включить устройство и выяснить, что произойдет.

Помимо Ханта и капитана, в лаборатории находились еще двое инженеров, задачей которых было наблюдение за измерительными приборами, смонтированными специально для этого эксперимента. Заметив удовлетворенный кивок Каризана, Фрэнк Тауэрс отошел от панели усилителя и спросил:

– Контроль перегрузок готов?

– Ага, – отозвался Каризан. – Попробуй-ка его коротнуть.

Тауэрс щелкнул переключателем на другой панели. С резким секундным лязгом где-то в шкафу позади нее сработал автомат, разомкнувший цепь.

Сэм Маллен, стоявший у приборной панели в боковой части комнаты, бегло взглянул на показания одного из дисплеев.

– Аварийное размыкание работает исправно, – объявил он.

– Раскороди его и увеличь напряжение, – велел Тауэрсу Каризан; тот поменял на панели пару настроек, затем снова щелкнул переключателем и перевел взгляд на Маллена.

– Ограничитель на пятидесяти, – сообщил Маллен. – Верно?

– Верно, – отозвался Тауэрс.

Каризан взглянул на Ханта:

– Все готово, Вик. Мы сделаем первый прогон с ограничителями силы тока, но, что бы ни произошло, наше оборудование это не затронет. Последний шанс передумать; после ставки приниматься не будут.

– Я до сих пор думаю, что оно играет музыку. – Хант широко улыбнулся. – Это электрошарманка. Поддайте ей тока.

– Компьютеры? – Каризан взглянул одним глазом на Маллена.

– Работают. По всем каналам данных – норма.

– Ну что ж, ладно, – сказал Каризан, потирая ладони. – А теперь гвоздь программы. На этот раз под напряжением, Фрэнк, первая фаза по графику.

Когда Тауэрс сбросил настройки и снова переключил главный рубильник, в лаборатории воцарилась напряженная тишина. Показания цифровых дисплеев, встроенных в его приборную панель, моментально изменились.

– Напряжение есть, – подтвердил он. – Устройство потребляет мощность. Ток на максимуме с учетом ограничителей. Похоже, ему нужно больше.

Глаза участников эксперимента переключились на Маллена, который напряженно изучал выходные данные на компьютерных мониторах. Тот покачал головой, не оглядываясь по сторонам.

– Я против. С задержкой на отпадание может неслабо польхнуть.

Акселерометры, закрепленные на ганимейском устройстве, которое было прикручено к стальной удерживающей раме с резиновыми амортизаторами вибраций, не засекли внутри него никаких механических движений. Чувствительные микрофоны, установленные на его корпусе, не зафиксировали никаких шумов – ни в слышимом, ни в ультразвуковом диапазоне. Тот же результат выдали сенсоры тепла, детекторы излучения, электромагнитные зонды, магнитометры, сцинтилляционные счетчики и самые разнообразные антенны. Тауэрс пытался менять частоту источника питания в пределах всего испытательного диапазона, но вскоре стало ясно, что на исход эксперимента это никак не повлияет. Хант подошел к Маллену и молча изучил вывод компьютерной программы.

– Похоже, нам придется чуть выкрутить фитилек, – заметил Каризан. – Вторая фаза, Фрэнк.

Тауэрс повысил входное напряжение. На одном из экранов Маллена появился ряд из чисел.

– На седьмом канале что-то есть, – сообщил он. – Акустический сигнал. – Он набрал на клавиатуре консоли короткую последовательность команд и внимательно изучил форму волны, которая появилась на вспомогательном экране. – Периодический сигнал с сильным искажением по четным гармоникам. Низкая амплитуда... Основная частота около семидесяти двух герц.

– Это частота питающего тока, – пробормотал Хант. – Скорее всего, где-то возник резонанс. Но вряд ли из этого можно сделать какой-то вывод. Что-нибудь еще?

– Нет.

– Прибавь-ка еще, Фрэнк, – сказал Каризан.

По ходу эксперимента они проявляли все большую осторожность и пробовали на каждом шагу все больше и больше вариантов. В итоге характеристики питающего тока указали им на то, что устройство близко к насыщению и, по-видимому, вышло на расчетный уровень эксплуатации. К этому моменту оно вбирало в себя значительные объемы мощности, но, если не считать все тех же слабых акустических резонансов и незначительного нагрева отдельных частей корпуса, показания измерительных приборов упрямо держались на нуле. Под конец первого часа Хант вместе с троицей инженеров КСООН смирились с необходимостью более долгого и кропотливого исследования, в ходе которого артефакт наверняка придется разобрать на части. Но, как и Наполеон, пришли к мнению, что удача благоволит тем, кто дает ей шанс себя проявить; попытка явно того стоила.

Впрочем, ни один из их инструментов не был рассчитан на фиксацию возмущений, созданных ганимейским прибором. Рябь из сферических волн, образованных мощными, но сильно локализованными искажениями пространства-времени, начала расходиться во все стороны от базы «Копёр», пронизав Солнечную систему со скоростью света.

В тысяче с лишним километров к югу сейсмографы на главной базе Ганимеда буквально сошли с ума, и программы валидации данных, запущенные на журнальном компьютере, прекратили работу, чтобы сообщить о системном сбое.

В двух тысячах километров над поверхностью спутника, датчики на борту флагмана «Юпитер-5» определили, что источник аномальных данных находится на базе «Копёр», и передали предупреждение дежурному контролеру.

С того момента, как на вход устройства в лаборатории «Копра» была подана максимальная мощность, прошло больше получаса. Хант затушил сигарету, а Тауэрс тем временем отключил питание и со вздохом откинулся на спинку кресла.

– Вот, пожалуй, и все, – заключил Тауэрс. – Так мы ничего не добьемся. Похоже, что придется покопаться в нем поглубже.

– Десять баксов, – заявил Каризан. – Видишь, Вик, никакой музыки.

– Но и ничего другого, – возразил Хант. – Пари отменяется.

Маллен за приборной панелью завершил процедуру сохранения тех скромных данных, которые им удалось собрать за время испытаний, выключил компьютеры и присоединился к остальным.

– Ума не приложу, на что ушла вся эта мощьность, – хмуро заметил он. – Тепла выделилось слишком мало, так что явно не на нагрев, а ничего другого мы не зафиксировали. Бред какой-то.

– Там, наверное, черная дыра, – предположил Каризан. – Вот что это такое – мусорное ведро. Идеальное мусорное ведро.

– Ставлю на это десятку, – с готовностью отозвался Хант.

В поясе астероидов на расстоянии пятисот шестидесяти миллионов километров от Ганимеда один из роботов КСООН засек серию кратковременных гравитационных аномалий, которые вынудили его главный компьютер приостановить выполнение всех системных процессов и запустить процедуру полной диагностики и поиска неисправностей.

– Без шуток – прямо как в мультиках Уолта Диснея, – сказал остальным Хант, сидя за столом в углу общей столовой «Копра». – Никогда не видел муралей с животными, как в той каюте на ганимейском корабле.

– Звучит бредово, – заметил сидевший напротив Ханта Сэм Маллен.

– Как думаешь, они с Минервы или откуда-то еще?

– Точно не с Земли, – сказал Хант. – Но, возможно, они вообще ниоткуда... в смысле, ненастоящие. Крис Данчеккер уверен, что они никогда и не существовали.

– Что значит не существовали? – переспросил Каризан.

– В смысле они не выглядят настоящими, – ответил Хант. Он нахмурился и покрутил руками в воздухе. – Они слишком яркие... слишком неуклюжие... и несуразные. Сложно представить, что их могла произвести на свет реальная эволюционная система...

– Хочешь сказать, они не прошли отбор на выживание? – под-сказал Каризан.

Хант быстро кивнул:

– Да, именно. Не приспособлены для выживания... ни камуфляжа, ни способности сбежать – ничего похожего.

– М-м-м... – Каризана это не смутило, но он явно был заинтригован. – Есть идеи?

– Ну, вообще-то есть, – ответил Хант. – Мы уверены, что та каюта была чем-то вроде ганимейских яслей. По идее, это все объясняет. Эти животные и не должны быть настоящими, они всего лишь персонажи ганимейских мультфильмов. – С секунду помедлив, Хант рассмеялся. – Данчеккер недавно спрашивал, могли ли одного из них

звать Непту. – Двое собеседников смерили его вопросительным взглядом. – Он решил, что Плуту у них быть не могло, потому что тогда еще не существовало самого Плутона, – объяснил Хант. – Но, возможно, они назвали одного из персонажей в честь Нептуна.

– Непту! – во весь голос расхохотался Каризан, хлопнул по столу. – Мне нравится... Никогда бы не подумал, что Данчеккер может выдать такую шутку.

– Ты удивисься, – заверил его Хант, – но порой он тот еще кадр, стоит только узнать его получше. Немного занудный поначалу, но не более того... А на те рисунки стоит взглянуть. Я принесу распечатки. Один из этих зверей похож на громадную голубую свинью с розовыми полосками по бокам. Да еще и с хоботом!

Маллен соорудил гримасу и прикрыл лицо рукой.

– Блин... Мне от одной этой мысли хочется на всю жизнь завязать с выпивкой. – Он повернул голову и посмотрел на линию раздачи блюд. – Где там Фрэнк носит?

И как бы в ответ на вопрос Тауэрс появился у него за спиной, держа в руках поднос с четырьмя чашками кофе. Он поставил поднос на стол, втиснулся в кресло и принялся передавать напитки остальным.

– Два белых с, один белый без и один черный с. Так? – Он устроился в кресле и взял протянутую Хантом сигарету. – Будем здоровы! Парень за той стойкой говорит, что ты нас ненадолго покидаешь. Это правда?

Хант кивнул:

– Всего на пять дней. Надо заглянуть на «Ю-5». Вылетаю послезавтра с главной базы.

– Один? – уточнил Маллен.

– Нет, всего нас пятеро или шестеро. Данчеккер тоже летит. Да и я не против сменить обстановку.

– Надеюсь, погода не подведет, – саркастически заметил Тауэрс. – Будет очень жаль, если ты пропустишь сезон отпусков. Смотрю я на это место и думаю, откуда столько ажиотажа вокруг Майами-Бич.

– Там скотч подают со льдом, – предположил Каризан.

Над столиком нависла чья-то тень. Подняв взгляд, они увидели дородного мужчину с окладистой черной бородой, одетого в клетчатую рубашку и синие джинсы. Это был Пит Каммингс, строительный инженер, прибывший на Ганимед вместе с командой специалистов, в которую входили и Хант с Данчеккером. Он развернул стул и сел на него верхом, вперившись взглядом в Каризана.

– Как успехи? – поинтересовался он.

Каризан скривился и покачал головой:

– Без толку. Чуть нагрелось, чуть пожужжало... а в остальном ничего интересного. Так и не смогли ничего выудить.

– Жаль. – Каммингс ответил сочувственным жестом. – Значит, это не вы устроили весь этот переполох.

– Какой еще переполох?

– А вы не слышали? – удивленно спросил он. – Недавно с «Ю-5» поступило сообщение. Похоже, что они засекали какие-то странные волны, которые шли с поверхности спутника... и источник, судя по всему, находился где-то здесь. Командир опрашивает весь персонал базы, чтобы выяснить, кто чем занимался и что могло вызвать такой эффект. Они там в башне переполошились, как будто к ним в курятник залезла лиса.

– Держу пари, это и было то самое оповещение, которое мы слышали, когда уходили из лабы, – заметил Маллен. – Говорил же, что это может быть важно.

– Черт возьми, иногда человеку позарез нужен кофе, – ответил Каризан. – К тому же мы здесь ни при чем. – Он повернулся к Каммингсу. – Прости, Пит. Спроси как-нибудь в другой раз. Сегодня у нас день фиаско.

– Вся эта история – большая загадка, – заметил Каммингс, потирая бороду. – Почти все остальное уже исключили.

Хант хмурился про себя и задумчиво потягивал сигарету. Затем он выдохнул облако дыма и посмотрел на Каммингса.

– Не знаешь, когда именно это произошло, Пит? – спросил он.

Каммингс скорчил мину.

– Дай-ка подумать, меньше часа назад. – Он повернулся и крикнул группе из трех мужчин за другим столиком. – Эй, Джед. Когда на «Ю-5» засекали эти странные волны? Не в курсе?

– Десять сорок семь по местному, – отозвался Джед.

– Десять сорок семь по местному, – повторил сидящим за столиком Каммингс.

Среди мужчин вдруг наступила зловещая тишина.

– И что вы на это скажете, а, народ? – наконец спросил Тауэрс. Будничным тоном не скрывал его удивления.

– Это может быть простым совпадением, – неубедительным тоном пробормотал Маллен.

Хант обвел взглядом круг лиц за столом и прочел в каждом

из них одну и ту же мысль. Все они пришли к одинаковому выводу; спустя несколько секунд Хант озвучил общее мнение.

– Я в совпадения не верю, – сказал он.

В восьмистах миллионах километров от них профессор Отто Шнайдер, работавший в радиооптической обсерватории на обратной стороне Луны, направлялся в один из залов компьютерной графики, куда его вызвала ассистентка. Та обратила его внимание на беспрецедентные показания прибора, отвечавшего за измерение космических гравитационных волн – в особенности тех, источник которых, как считалось, находился в центре галактики. Сигналы были идентифицированы со всей достоверностью, но их направление оказалось совершенно другим. Источник возмущений располагался неподалеку от Юпитера.

На Ганимеде прошел еще час. Хант вместе с инженерами вернулись в лабораторию, чтобы переосмыслить эксперимент в свете сказанного Каммингсом. Они вызвали командующего базой, объяснили ситуацию и согласились подвергнуть ганимейский прибор более серьезным проверкам. Тауэрс и Маллен занялись повторным анализом собранных данных, а Хант и Каризан тем временем обошли базу в попытке выпросить, одолжить, а то и вовсе взять без спроса подходящее оборудование для наблюдения за сейсмической активностью. Наконец нужные детекторы обнаружили на одном из складов, где их держали в качестве резерва для наружной сейсмической станции, располагавшейся примерно в пяти километрах от базы, и команда приступила к планированию работы на вторую половину дня. Азарт быстро набирал силу, но даже он не шел ни в какое сравнение с их любопытством; если машина действительно действовала как излучатель гравитационных импульсов, то какую цель преследовали ее создатели?

Коммуникационный процессор, находившийся в двух с половиной миллиардах километров от Ганимеда, вблизи усредненной орбиты Урана, прервал работу супервизорного компьютера. Тот, в свою очередь, активировал процедуру кодового преобразования и передал главному системному монитору сообщение первостепенной важности.

Приемник зафиксировал сигнал стандартного аварийного маяка модели «17-Марк- 3В».

Оглавление

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	25
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	52
Глава 6	58
Глава 7	69
Глава 8	83
Глава 9	87
Глава 10	96
Глава 11	111
Глава 12	122
Глава 13	139
Глава 14	147
Глава 15	149
Глава 16	159
Глава 17	165
Глава 18	172
Глава 19	180
Глава 20	191
Глава 21	202
Глава 22	211
Глава 23	217
Эпилог	232
Послесловие научного редактора	235

Исключительные права на публикацию книги на русском языке
принадлежат издательству Эксплорер Букс.
Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Хоган Джеймс П.

Галантные гиганты Ганимеда

Роман

Компьютерная верстка: О. Кравчук и Ю. Лунберг

ООО «Эксплорер Букс»
ОГРН 1247800013713, ИНН 7814834801

Сайт: www.explorerbooks.ru

E-mail: contact@explorerbooks.ru

Вконтакте: vk.com/explorerbooks

Телеграм: t.me/explorerbooks

Подписано в печать 19.03.2025. Формат 60х90/16

Печать офсетная, усл. печ. л. 15

Тираж 1000 экз. Заказ М-0520

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»
420066, Россия, Республика Татарстан, г.Казань, ул.Декабристов, д.2
www.idel-press.ru